

Е. Тур

Три рассказа для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Е11

Е11 **Е. Тур**
Три рассказа для детей / Е. Тур – М.: Книга по Требованию, 2013. – 267 с.

ISBN 978-5-458-08026-2

Моим внукам Ромейко-Гурко, Салиас и Жуковым.

ISBN 978-5-458-08026-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У меня былъ пріятель. Онъ былъ женатъ и жилъ съ женою и маленькимъ сыномъ на дачѣ. Нельзя себѣ вообразить ничего милѣе этого семейства и этой дачи. Пріятель мой былъ медикъ, но, имѣя состояніе, лечилъ только бѣдныхъ. Жена его была добрая и милая женщина и во всемъ помогала ему, дѣлила его труды и заботы. Оба они любили безъ памяти своего маленькаго сына, хорошенькаго, бѣлокурога, голубоглазаго мальчика лѣтъ четырехъ. Когда вечеромъ отецъ возвращался домой, жена, ведя за руку своего хорошенькаго сына, встрѣчала его у воротъ сада и они втроемъ возвращались домой. Напившись чаю, садились они подъ высокую, густую, развѣсистую липу. Отецъ бралъ на колѣни своего сына и часто рассказывалъ ему сказки и различныя исторіи. Мальчикъ страстно любилъ ихъ слушать, любила ихъ слушать и я; многія изъ нихъ такъ мнѣ понравились, что я просила позволеніе пересказать ихъ вамъ, милыя

мои дѣти. На этотъ разъ передаю вамъ только одну изъ нихъ; если она вамъ понравится, я расскажу вамъ впослѣдствіи еще больше. Я надѣюсь, вы поймете смыслъ, заключенный и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя покажутся вамъ чудесными. Во всякой сказкѣ, хотя и волшебной, сокрыта мысль; поймите ее. Я желаю, чтобы мои рассказы позабавили васъ, заняли васъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и научили бы хорошему, заставили бы васъ понять, что безъ любви къ людямъ, безъ жалости въ сердцѣ, безъ участія къ ближнимъ нѣтъ на свѣтѣ ни душевнаго мира, ни спокойствія совѣсти, ни благополучія.

Версаль.

15 мая 1867 г.

Давно, очень давно тому, жилъ въ Гренадѣ старшій умный еврей, котораго въ городѣ всѣ знали и всѣ боялись. Боялись его не потому, чтобы онъ дѣлалъ кому-либо зло или непріятности, а потому что онъ ни съ кѣмъ дружбы не водилъ, хлѣба-соли не дѣлилъ и жилъ отшельникомъ, не принимая никакого участія въ бѣдѣ сосѣда и знакомыхъ. Домикъ его стоялъ въ отдаленной улицѣ, окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой стороны во дворъ. Часто, далеко за полночь изъ оконъ виднѣлся огонекъ и два окна комнаты еврея были постоянно освѣщены. Иногда это освѣщеніе принимало какой-то страшный видъ. Въмѣсто обыкновеннаго бѣловатаго свѣта свѣчей вспыхивалъ въ окнахъ красный отблескъ пламени или голубоватый отливъ, какого-то страннаго огня; иногда видно было, что внутри пылаетъ полмя, то разгорается, то потухаетъ; подумаешь пожаръ—а между тѣмъ пожара нѣтъ. На другой день всякій можетъ видѣть, что

стоитъ себѣ домикъ въ саду, какъ стоялъ наканунѣ тихъ и пустыненъ.

Да и кому въ немъ двигаться, входить, выходить? живетъ въ немъ старый еврей, съ красавицей дочкой и ея старой престарой нянькой. Красавица дочка никогда за ворота не выходитъ, ни съ кѣмъ не знакома и гуляетъ въ своемъ тѣнистомъ саду. Иногда видалъ ее садовникъ, приходившій работать въ саду и поливать рѣдкіе цвѣты, до которыхъ страстная охотница дочка еврея. По словамъ садовника, трудно было встрѣтить такую красавицу. Чернобровая, высокая, стройная, съ пунцовыми губками, на нее нельзя было не заглядѣться. Двѣ черныхъ густыхъ косы спускались съ плечей ея вдоль стройнаго стана. Она была весела и добра. Отецъ любилъ ее безъ памяти. У него только и было на свѣтѣ что дочка; никого другого любить онъ не могъ и даже не желалъ. Жена еврея давно умерла и онъ всю душу свою, послѣ ея смерти, отдалъ дочери. Старый еврей цѣлое утро сидѣлъ въ своей комнатѣ, куда никто ни подъ какимъ предлогомъ входить не смѣлъ, ни даже сама его дочь. Пообѣдавъ съ нею, онъ около часа слушалъ ея дѣтскую болтовню, никогда не журилъ дочери и ни въ чемъ ее не стѣснялъ. Лія (ее звали Ліей, а его звали Соломономъ) рассказывала своему отцу безъ смущенія и безъ робости свои радости, печали, заботы и всякія мысли, входившія въ ея горячую головку. Серьезный, угрюмый, важный и для всѣхъ неприступный Соломонъ улыбался рассказамъ Ліи и гладилъ ее по головкѣ

даже и тогда, когда она ему рассказывала свои шалости. Послѣ обѣда Соломонъ запирался опять въ свою комнату, и выходилъ въ садъ на встрѣчу Лии только за часъ до захода солнца. Лишь только солнце скрывалось за горы и золотило ихъ своими послѣдними лучами, Соломонъ благословлялъ дочь, уходилъ въ свою комнату, запирался на ключъ и оставался тамъ до бѣлаго утра. Что онъ тамъ дѣлалъ? спросите вы у меня, мои милыя. Это спрашиваете не вы одни. Всѣ въ Гренадѣ большіе и малые, умные и глупые, ученые и неученые задавали себѣ и другъ другу вопросъ этотъ. Часто запоздавшій пѣшеходъ, проходя мимо домика Соломона, вдругъ пугался, видя черезъ рѣшотку, обгораживавшую дворъ Соломона, столбы свѣта, то краснаго, то синяго, зловѣще освѣщавшіе и дворъ, и улицу и внезапно меркнувшіе. Прохожій крестился поспѣшно и скорѣхонько убирался домой, бормоча про себя: „Съ нами крестная сила!“ Вы не удивитесь послѣ этого, если я скажу вамъ, что въ Гренадѣ начали поговаривать сперва тихонько, а потомъ гласно, а потомъ и взапуски, что Соломонъ колдунъ и что пора бы властямъ взяться за него и разузнать чѣмъ это онъ занимается по ночамъ, запершись въ своей комнатѣ. Но пока въ городѣ всѣ говорили и осуждали Соломона, онъ жилъ себѣ по прежнему, ничего не зная о городскихъ слухахъ. Да оно и лучше. Не надо дѣлать ничего дурного, ничто противнаго божескимъ законамъ и правиламъ чести, ну, а пустыхъ людскихъ пересудовъ не переслушаешь. Знаете басню: мужикъ и

осель; а если не знаете, такъ прочтите: изъ нея вы поймете, если у васъ есть хотя немного смекалки, въ чемъ дѣло. Но воввратимся къ Соломону. Соломонъ не зналъ за собою худныхъ дѣлъ, жилъ спокойно, но не заботился ни о комъ кромѣ дочери, и не смотря на свое богатство, никому не дѣлалъ добра, никому не помогаль. Онъ позабылъ, что мало не дѣлать *дурного*, а надо стараться дѣлать хорошее, то-есть, доброе. Но не о томъ думаль Соломонъ. Онъ думаль только о своей дочери, о своей любви къ ней и о томъ, что онъ ей оставить большое богатство. Послѣ дочери, милѣе всего была ему та комната, въ которой запирался долгіе часы дня и ночи. Не хотите ли узнать, что было въ этой комнатѣ Соломона? Вѣдь я взялась вамъ рассказывать, такъ мнѣ нельзя отдѣлаться словами, что я де не знаю. Передъ рассказчикомъ замки дверей отворяются, стѣны распадаются, онъ входитъ всюду и видитъ все, чтобы потомъ передать исторію своимъ маленькимъ внучатамъ и ихъ друзьямъ. Комната Соломона была большая, четверугольная, съ двумя большими окнами; посерединѣ комнаты стоялъ огромный столъ, а на столѣ жаровни, банки, вазы, горшки стеклянные, глиняные, оловянные, мѣдные, всѣхъ возможныхъ формъ и всякой величины. Около нихъ въ беспорядкѣ лежали ножницы прямыя и кривыя, ланцеты, щипцы, клещи, ножи, ложки огромныя и крошечныя, короткія и длинныя. По стѣнамъ стояли шкапы со стеклянками, бутылками и бутылками, съ огромными пучками сухихъ травъ и связками

сухого дерева. Въ другихъ шкапахъ стояли книги, да такія большія, такія тяжелыя, переплетенныя въ сафьянъ или въ толстую кожу, такъ что ихъ поднять-то можно было лишь съ трудомъ. Иныя изъ нихъ были покрыты слоемъ пыли, будто лѣтъ 20 ихъ никто и въ руки не бралъ. другія лежали на столахъ и стульяхъ полуоткрытыя, какъ будто ихъ сейчасъ кто-либо читалъ и не успѣлъ закрыть. Даже на полу въ углахъ лежали грудами одна на другой множество книгъ, и торчали изъ-за бутыли, банки и жаровни. У большого стола стояло большое кресло. Около небольшихъ столиковъ въ углу стояли маленькіе стульчики, которые легко было переносить съ одного мѣста на другое. Комната Соломона не отличалась ни порядкомъ ни чистотою—ему было не до чистоты. Онъ съ утра до обѣда, и съ обѣда до ужина и съ ужина до ранняго утра сидѣлъ надъ книгами, корпѣлъ надъ жаровнями и кружками. Соломонъ, вы вѣрно сами догадались, былъ ученый химикъ; вы знаете, что колдуновъ нѣтъ, и что все это розказни старыхъ неученыхъ людей. Они, чего не знаютъ или понять не могутъ, сейчасъ и вопять: колдунъ да колдунъ. Нѣтъ колдуновъ и никогда ихъ не бывало съ-поконъ вѣка, а есть знахари, и въ старые годы бывало ихъ еще больше чѣмъ теперь. А знахари, это люди, которымъ извѣстны свойства травъ и всякія цѣлебныя и вредныя зелья. Теперь знахарей меньше, а докторовъ больше. Доктора и есть настоящіе знахари, ибо посредствомъ науки дошли до того, что знаютъ какъ, что и

отъ чего давать больному. Соломонъ былъ знахарь и кромѣ того химикъ. Онъ зналъ какъ варились, прокаливались и сушились въ разныхъ стеклянкахъ и баночкахъ разнообразнѣйшіе химическіе составы, то у него получалось изъ черныхъ землистыхъ массъ—серебро чистое, бѣлое, блестящее; то, повидимому изъ тѣхъ же массъ, только сѣрыхъ цвѣтомъ, получались различнаго цвѣта прозрачные камни; то въ этихъ котлахъ, стоящихъ спокойно, не на огнѣ, выдѣлялись красивые разнообразные хрустали. Онъ зналъ секретъ готовить гремучее золото, котораго маленькій шарикъ былъ достаточенъ, чтобы взорвать громадную башню. Да и мало ли что онъ зналъ еще; всего не перескажешь. Довольно того, что въ тѣ старыя, темныя времена, онъ зналъ то, чего тогда почти никто не зналъ; поэтому-то его и считали колдуномъ. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что зная такъ много, Соломонъ не заботился ни о комъ и не помогалъ никому. Увидитъ ли онъ больного, ему и въ голову не войдетъ полечить его: увидитъ ли бѣднаго, онъ и не подумаетъ дать ему денегъ; свое знаніе и свои деньги онъ держалъ про себя, не дѣлясь ими ни съ кѣмъ.

Однажды передъ вечеромъ сидѣлъ Соломонъ въ своей лабораторіи и, протянувъ проволоки, прилаживалъ къ нимъ какія-то банки, потомъ приставилъ къ нимъ большую машину, натѣръ какимъ-то составомъ пластинку около большого стекляннаго колеса и долго читалъ и долго думалъ. Ужъ смеркалось. Наконецъ онъ всталъ, выпрямился, взялся за большое стеклянное колесо ма-

шины, и повернулъ его, и потомъ еще и еще... и вдругъ... Соломонъ самъ испугался и отскочилъ въ сторону... по проволокѣ полетѣла синяя искра и другая, и третья. Онъ пересталъ вертѣть колесо, оно остановилось. Перестали летать искры. Соломонъ притронулся къ проволокѣ и вздрогнулъ. Онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ сотрясеніе. Долго онъ стоялъ задумавшись. Потомъ подошелъ, повернулъ опять стеклянное колесо и опять запрыгали искры. Опять дотронулся онъ до проволоки и опять вздрогнулъ еще сильнѣе. Онъ отступилъ назадъ и закричалъ внѣ себя: „Вотъ оно! вотъ, что я искалъ такъ долго! Эта сила—сила великая и она произведетъ великій переворотъ во всемъ мірѣ. О ней говорятъ древнія книги. Ее знали египетскіе жрецы и римскіе первосвященники. Да, я великій магъ и чародѣй! Я проникъ въ таинства великой матери нашей природы. Для меня нѣтъ у ней тайнъ. Я все знаю, а чего еще не знаю, то узнаю очень скоро. Богъ создалъ видимый и невидимый міръ и я открою его законы. Я проникну все и своимъ всемогущимъ умомъ покорю себѣ всѣ силы сильныя, всѣ силы, до сихъ поръ невѣдомыя“. Наконецъ—ослѣпленный до безумія гордостью своего знанія, Соломонъ вскричалъ: „Я равенъ самому Богу. Онъ создалъ, а я понялъ, я открылъ. Да, я равенъ Богу!“

Едва произнесъ Соломонъ эти преступныя слова, какъ раздался громкій стукъ въ его двери; стучали порывисто, съ изступленіемъ. Соломонъ находился въ такомъ состояніи, что сначала не замѣтилъ стука, а

потомъ опомнился, вслушался и въ припадѣхъ гнѣва позабылъ свою старость и словно юноша побѣжалъ къ двери.

— Кто смѣетъ беспокоить меня, смущать меня?— закричалъ онъ гнѣвно.

— Это я, Сара,—раздался голосъ няньки Ліи.

— Поди прочь, поди старая дура! завтра же тебя не будетъ въ моемъ домѣ,—кричалъ Соломонъ, дрожа отъ гнѣва.—Какъ ты осмѣлилась меня потревожить?

— Соломонъ! Соломонъ!—кричала нянька за дверью, и голосъ ея дрожащій и пронзительный свидѣтельствовавалъ о ея страхѣ и волненіи.—Моя Лія, мое дитя, твоя Лія, твое дитя умираетъ, умерла! Слышишь ли, умерла, говорю я тебѣ!.. умерла!“

Бѣдный отецъ остолбенѣлъ, будто не понимая тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя рыдая произносила старая Сара. Онъ отперъ дверь. У порога стояла въ изступленіи Сара; она рвала свои сѣдые волосы, била себя въ грудь. При видѣ ея отчаянія старый еврей пришелъ въ себя и стремительно бросился изъ своей лабораторіи, сильною рукою оттолкнулъ онъ Сару, пробѣжалъ нѣсколько комнатъ, съ порывистою силою юноши, распахнулъ двери и вбѣжалъ въ комнату дочери.

То была угловая комната, свѣтлая съ окнами въ садъ: лучъ ранняго солнца пробивался черезъ закрытыя ставни и падалъ на высокую, большую изъ темнаго дерева постель съ голубыми занавѣсками и витыми колоннами. На этой большой постелѣ лежала молодая шестнадцатилѣтняя Лія, безъ движенія и пови-